

Независимая газета

Неуправляемый корабль

Наша внутренняя эволюция и внешняя политика – без руля, без ветрил и без пункта назначения

2008-09-10 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

В грузинско-российском вооруженном конфликте и ставшем его следствием резком ухудшении отношений с Западом есть, как в любом событии или комплексе событий, закономерное и случайное. И закономерное здесь – сама эволюция нашего строя.

С 1991 года этот строй развивался в направлении, противоположном «западной» демократической модели и тем принципам, которые были официально заявлены при возникновении нового российского государства. Он все более явственно воспроизводит основные контуры советской системы: «единство и неделимость» сосредоточенной в одном центре власти, ее безальтернативность, ритуализацию демократических процессов.

Виток спирали

Естественной проекцией этой эволюции на внешнеполитическую сферу является восстановление основных контуров советской внешней политики (особенно позднесоветской, скорее оборонительной, чем наступательной) – нарастающее после недолгого «kozyревского» периода эйфории в начале 90-х противостояние Западу, стремление окружить себя кольцом сателлитов, в которых строй однотипен нашему, и не допустить их перехода к «западной» демократической модели и в западные блоки. В суженных масштабах и иных идейных одеждах стали воспроизводиться схемы отношений советского периода.

Так, прошедшие через цветные революции и стремящиеся войти в НАТО Грузия и Украина – это аналоги пытавшихся ускользнуть от СССР Чехословакии и Польши на предшествующем витке спирали. Заявления о зоне особых интересов России – это смягченный аналог «доктрины Брежнева». (Так и хочется сказать: «События в Грузии – внутреннее дело СНГ».) Иногда возникает просто ощущение дежавю. На Западе СССР пытался играть на противоречиях между США, с одной стороны, и более мягкими к нам голлистской Францией и немецкими социал-демократами – с другой. То же пытается делать постсоветская Россия. В Латинской Америке марксистско-ленинский СССР опирался на марксистов Кастро и Ортегу. Россия стала антимарксистской, Кастро и Ортега состарились, но мы пытаемся опереться на них же.

Восстановление основных контуров советской политики – естественная эволюция, не зависящая от доброй или злой воли наших или западных правителей. Она исключает интеграцию России в «западные» структуры, ЕС и НАТО. Но если ты не можешь войти в союзы стран с другой, чем твоя, общественной системой, то расширение этих союзов объективно является

угрозой для тебя. Перспектива окружения России демократическими странами, связанными друг с другом союзническими отношениями, – это перспектива падения нашей системы, то есть личной жизненной катастрофы для нашей правящей верхушки и не такого полного, но все же краха для огромного слоя людей, для которых эта система – нормальная, привычная жизненная среда. И здесь ничего поделать нельзя. Здесь дело не в дипломатии, не в каких-то внешнеполитических комбинациях, а в «биологической» несовместимости. Можно включить Россию в «восьмерку», но «восьмерка», в которой семь членов – избранные руководители своих стран, а восьмой – назначенный по воле предшественника и инстинктивно ощущающий угрозу, исходящую от политической системы других семи, такая «восьмерка» неизбежно превращается в общество, где семеро как-то контактируют друг с другом за спиной восьмого и сообща пытаются его «урезонивать».

Как трансформация нашего строя – явление отнюдь не исключительно российское, так не исключительно российской является и трансформация внешней политики в «антизападном» направлении. На постсоветском пространстве все страны, где установилась система, при которой верховная власть реально избирается (установилась с самого начала, как в странах Балтии, или после внутренней трансформации, как в Украине), – все такие страны устремляются в западные союзы. Это – естественное стремление быть рядом с подобными себе, быть признанным ими за своего, обезопасить себя и закрепить свои системы. Здесь даже не так важно, кто побеждает в демократическом процессе: в Молдавии победили коммунисты, но, хотя в НАТО они вступать пока не собираются, в ЕС молдавские лидеры стремятся всеми силами.

И наоборот, страны, где президенты правят с незапамятных времен или передают власть назначенным ими преемникам, – борются с цветными революциями и опасаются расширения западных альянсов. Но ясно, что Россия как большая страна с имперской историей, привычкой к лидерству и активной политике и ностальгией по супердержавному прошлому – естественный лидер этих стран, «священного союза» безальтернативных президентов СНГ и естественный союзник и заступник их аналогов вне СНГ, вроде Мугабе.

Без языка

Все это так же создает общую основу для отдельных конфликтов, как в свое время такую основу создавало противостояние «мира социализма» и «мира капитализма». При этом каждый отдельный конфликт порождается сложнейшей комбинацией различных случайных причин. В случае российско-грузинского конфликта их масса, и определить все невозможно. Здесь и особенности «порывистого» грузинского характера, и особенности характера именно Саакашвили, переходившего от молитв в церкви перед встречей с российским президентом к личным оскорблениям Путина и прямо провоцировавшего нас, и наша эйфория от цен на газ (когда я слышу или читаю заявления Путина, у меня сразу же всплывает в памяти слово из лексикона подростков эпохи моего детства – «раздухарились»), и психологические особенности наших лидеров и их теперешней ситуации, и

много другого, что, в общем, не так и важно. Атмосфера холодной войны предполагает ее периодические переходы в локально горячие состояния. Прямой, однозначной зависимости внешнеполитических событий от нашей внутренней эволюции быть не может, как ее не было и в советские годы. Самый страшный конфликт, когда мир был действительно на грани ядерной катастрофы, произошел не при Сталине, а при «реформаторе» Хрущеве (Карибский кризис). И сейчас вспышка в Грузии и решительный шаг к осознанной холодной войне произошли не во время расцвета путинского «абсолютизма», а в период, когда Россия сделала некоторые шаги в сторону от чисто авторитарной системы, во время правления (правда, не полномочного) человека, не производящего впечатления опасного и агрессивного невротика и даже с некоторыми либерально-реформаторскими позовами. Возможно, однако, что здесь есть определенная связь. В свое время Хрущеву было нужно показать себе и другим, что внутренняя либерализация и «разоблачение культа личности» – не признак «размягчения» советской системы. И очень похоже, что решение признать независимость Абхазии и Южной Осетии – это именно медведевское и не принятое под чьим-либо прямым давлением решение, которое должно показать всем, что он – не мягче своего предшественника, ментора и премьера. Либеральные тенденции внутри страны иногда компенсируются внешнеполитической жесткостью.

Но в конфликте с Грузией и «вокруг Грузии» очевидна не только преемственность советского и российского постсоветского внешнеполитического поведения, старой и новой «холодных войн». Видны и большие различия между ними. И не только в географических масштабах и локализации конфликтов. Если сходство и преемственность во внешней политике вытекают из сходства и преемственности наших систем, то различия – из их отличий друг от друга. Советский строй имел мощное идеологическое обоснование. Марксистско-ленинская идеология создавала ясный язык для описания внешней политики, общую стратегическую цель и перспективу. И хотя эта цель (победа социализма во всем мире) была нереализуемой и постепенно исчезала как реальная цель, она придавала политике целенаправленность и рациональность. Было очевидно, что такое победа и что такое поражение. В Венгрии, Чехословакии, Польше мы не допустили «реставрации капитализма», и это были очевидные победы в оборонительных битвах. На Кубе победил социализм – и это была победа в наступательном сражении. Выбор теми или иными диктаторами третьего мира «социалистической ориентации» и «идеологии научного социализма» – тоже победы. А вот в свое время в Греции социалистическая революция потерпела поражение. Здесь все ясно. Сейчас не ясно ничего.

Наш строй имитационной демократии не имеет идейного обоснования, и отсюда возникает отсутствие общей стратегии. Как у нас нет и не может быть по самой природе нашей системы ясной цели внутреннего развития (сохранение системы назначающих друг друга президентов – объективная, но не заявленная и не осознанная цель), так у нас не может быть и общей внешнеполитической цели вроде советской цели победы социализма во всем мире или осознанной американской цели распространения демократии и «свободного рынка». Наша борьба с расширением зоны

демократий – инстинктивна. Но у нас даже нет языка для описания этой борьбы, и при отсутствии осознанной общей цели нет и ясных частных целей и ясных критериев: где – победа и где – поражение.

Между вопросами и ответами

Попробуем понять, что мы вообще хотим в Грузии. Самая главная наша цель – это не допустить «западной» демократической трансформации грузинского общества, внешним выражением и одновременно закреплением которой было бы вхождение Грузии в западные политические структуры. Но это – не только не проговариваемая, но и не осознаваемая цель. Если советские руководители вполне осознанно боролись с демократией (пусть называлась она на идеологическом языке – «буржуазной демократией»), то наши руководители в их сложном сознании никак не являются борцами с демократией. Но тогда для чего мы так долго давили на Грузию, всячески поддерживали сепаратистов, раздавали наши паспорта и вообще провоцировали грузин (что при грузинском характере не так сложно), пока в конце концов они не спровоцировали нас? Любой гипотетический ответ о наших целях порождает серию вопросов, на которые уже нет никакого ответа.

Мы хотим свергнуть Саакашвили, как с наивной прямоотой сказал Кондолизе Райс Сергей Лавров? Но наша политика унижения Грузии началась задолго до прихода к власти Саакашвили и она скорее укрепляла положение Саакашвили. И зачем нам так уж надо его свергать? Это имело бы смысл, если бы у нас была возможность так же закрепить власть за какими-то нашими ставленниками, как это сделал СССР после того, как убрал чешских и венгерских ревизионистов. Но у нас нет таких ставленников и нет никакой возможности гарантировать им власть. Мы хотим привязать к себе Грузию? Но ясно, что вся наша политика поддержки абхазского и осетинского сепаратизма вела к тому, что Грузия от нас «отвязывалась» и сейчас «отвязалась» полностью, даже дипломатические отношения порвала. Мы хотим, чтобы маленькие народы Грузии обрели независимость? Но предполагать такую цель у страны, с предельной жестокостью подавившей свой сепаратизм в Чечне, даже смешно. Мы хотим присоединить их к себе? Но зачем? Что мы от этого получим, много ли еще будем присоединять и где остановимся в своих присоединениях? За войну с Грузией и признание независимости Абхазии и Южной Осетии нам придется платить очень долго и заплатить много. И не только в отношениях с другими странами, к чему мы вроде даже готовы, но и внутри своей собственной. Северный Кавказ – это пороховая бочка, и совершенно не представимо, что могут быть независимые Южная Осетия и Абхазия и рядом, под боком – спокойные субъекты Российской Федерации Чечня и Ингушетия. И если каким-то чудом удалось бы стабилизировать признанную хотя бы частью государств Южную Осетию, то через некоторое время не южные осетины станут просить об объединении с северными в рамках Российской Федерации, а северные – о присоединении к Югу. И так же не представимо, что может быть присоединение к России Абхазии (достаточно жизнеспособного и свободного общества, интеграция которого в российскую систему «властной вертикали» без кровопролития

невозможна) и Южной Осетии при сохранении спокойствия на Северном Кавказе.

Масса и власть

Дело не в том, что мы не можем победить в теперешней борьбе, дело в том, как отличить победу от поражения. Мы пошли на колоссальные риски и самоизоляцию совершенно непонятно во имя чего.

Психологические мотивы наших правителей и охваченной патриотическим подъемом массы – ясны. Это – невротическая истерика. Вы признали Косово – мы признаем Южную Осетию и Абхазию. Вы нас не любите и не признаете равными себе – и не нужно нам вашей любви, мы на вас плюем, сами приползете к нам, прося газа. Грузины нас не любят и хотят в НАТО – вот им за это. Но рациональные цели наших правителей представить себе просто невозможно. Слова Путина, столько сил положившего на Олимпиаду в Сочи и теперь сказавшего, что, мол, не надо нам ваших олимпиад, – яркое проявление этой невротической эмоциональной вспышки и полного отсутствия рациональной стратегии.

Корабль «управляемой» демократии становится совершенно не управляемым. При нашей предельной концентрации власти в руках одного человека или, как сейчас, двух людей – все зависит от них, но никакого ясного курса у них в головах нет. Эта неуправляемость – и внутри страны (весь прошлый год все гадали, уйдет ли Путин и куда, и кого он назначит, потом полгода гадают – будет ли «оттепель»), и во внешней политике.

Такой корабль опасен для других кораблей даже не своей агрессивностью, а своей непредсказуемостью. С СССР миру было проще и легче. И российский корабль обречен попадать на рифы, он опасен для тех, кто на нем плывет непонятно куда.

Роль внешней политики в падении советского строя не основная. Но определенная роль ей принадлежит. Отсутствием перспективы все более бессмысленной и дорогостоящей борьбы (в победу социализма во всем мире никто уже не верил) усиливалось общее отторжение советской системы и стремление к переменам. В будущем кризисе нашей постсоветской системы роль внешней политики тоже не основная. Но вспомогательная роль может быть даже очень большой. То, что раньше называлось «шовинистическим угаром», пройдет, и очень скоро все больше людей начнет задумываться, куда же плывет наш корабль без руля и ветрил и пункта назначения и не лучше ли будет или покинуть его, пока не поздно, или все-таки, как это ни противоречит нашей психологии и привычкам, взять управление им в свои руки.